

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Ошибка бога времени
Две половинки райского яблока

Сериал «Детективный триумвират»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи

*Инна
Бачинская*

Девушка
сбитого летчика

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 32

Дизайн серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б 32 Девушка сбитого летчика : роман / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-699-75175-4

В детстве Анну воспитывала гувернантка Амалия Биллер, и она с содроганием вспоминала свою суровую наставницу. Анну до сих пор мучили кошмары — Амалия являлась к ней в образе белой крысы. Тот факт, что гувернантки давно нет в живых, ничего не менял... Своей семьи у Амалии не было, лишь племянница Эвелина и ее сын Николенка. Тридцать лет назад они перебрались в Ригу, с тех пор о них никто ничего не слышал. И вот к пожилым тетушкам Анны, с которыми в свое время дружила Амалия, неожиданно явился красавец-летчик Николай Биллер. Он начал хлопотать за Анной... После веселой прогулки и последовавшей за ней вечеринки Аня и ее подруга Бася едва проснулись. Похоже, новоявленный ухажер угостил их вином со снотворным и утащил у Анны ключи от ее квартиры! Девушки поехали к Ане домой, надеясь получить объяснения. Биллер действительно оказался там, но уже никому ничего не мог объяснить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75175-4

Мой добрый рыцарь на коне,
Явился ты ко мне во сне...
Немало лет с тех пор прошло —
И вновь предстал ты, как в кино.
Ты вновь со мной заговорил
И поцелуй мне подарил...

*Кири Шипулина,
Интернет, Детские Стихи.ру*

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Праздник города

С утра выкатилось солнце — по-летнему яркое заголубело небо и налетели легкие пушистые облачка. Повезло! Всю последнюю неделю шел дождь, а тут вдруг — такая красота! И не скажешь, что октябрь. Город приободрился, на улицах забегали радостные горожане. На площади соорудили трибуну, будет выступать мэр. Потом — выставка цветов, потом — концерт, артисты из столицы, потом — местная самодеятельность, потом — народное гулянье. Новая музыкальная программа для танцующего фонтана, открытые площадки для танцев, аппаратура для караоке. Прилавки с нехитрыми бутербродами, пивом и орешками, плюшками, соками и кофе. Уличные кафе. Атракционы с кувалдой и столбом, забег

на звание чемпиона, соревнования лучников. Под занавес — фейерверк! Гуляй, народ!

Музыка из громкоговорителей и ансамбли — рок, народные, детские, причем все сразу. Песни и пляски добровольцев из толпы. Хор пенсионеров. Призы!

Стемнело рано, и в городе вспыхнула иллюминация. Включился танцующий разноцветный фонтан — красная подсветка сменяется синей, синяя — желтой, желтая — фиолетовой, и опять, и снова в том же порядке. Под Первый концерт Чайковского, аргентинское танго, отрывки из мюзиклов Уэббера, попсу. На все вкусы.

Около одиннадцати загрохотала канонада петард, взметнулись разноцветные звезды фейерверков, рассыпались искрами, невиданными цветами, шарами и узнаваемыми очертаниями созвездий. Радостные вопли встречали каждую новую вспышку огней.

Человек в темной куртке неторопливо свернул во двор, остановился в темной арке. Постоял там, внимательно рассматривая двор. Горели тусклые фонари над тремя подъездами. Почти все окна были темными, светилось лишь несколько. Окна нужной ему квартиры были темны.

Убедившись, что вокруг пусто, человек, все так же не торопясь, пересек двор и вошел в подъезд. Поднялся на третий этаж. Постоял у одной из дверей, прислушиваясь. Из квартиры не доносилось ни звука. Он достал ключи и стал осторожно пробовать один за другим. Подошел третий. Он вошел. В квартире было темно. Он бесшумно затворил за собой дверь и постоял немного, привыкая к темноте. Включил фонарик и пошел по коридору к белеющей двери в комнату, доставая из кармана пистолет.

Девушка сбитого летчика

Он вошел в спальню, которая была слабо освещена светом извне, рассмотрел на кровати силуэт спящего человека. Поднял руку с пистолетом и выстрелил, целясь в голову спящего. Выстрел прозвучал негромко из-за глушителя — всего-навсего слабое «шпок». Человек на кровати не издал ни звука и не шевельнулся. Он умер мгновенно.

Убийца подошел к окну и задернул штору, после чего включил свет. Не глядя на тело на кровати, обвел внимательным взглядом комнату. Вышел в коридор, прошел в другую комнату, нашарил выключатель. Подошел к рабочему столу, наклонился, чтобы рассмотреть предметы, лежавшие там. Затем взял тяжелое мраморное пресс-папье и принялся крушить их...

Минут через пять он вышел в прихожую, прислушался. Взгляд его упал на собственное отражение в старинном облезшем трюмо — угрюмое сосредоточенное лицо, черная вязаная шапочка до бровей; в глаза ему бросились собственные руки в черных перчатках и оттопыренная слева куртка. Он рассматривал себя секунду-другую, одновременно чутко прислушиваясь к звукам на лестничной площадке. По ступенькам, громко разговаривая и смеясь, поднимались люди. Лестничное эхо подхватывало звуки голосов и уносило вверх.

Человек дождался тишины и открыл дверь. Едва слышный щелчок замка показался ему оглушительным, и он повел плечом.

Он спускался вниз по лестнице все так же не торопясь, тяжело ступая, опираясь рукой на перила. У выхода из подъезда стояла пара молодых людей — парень и девушка. Человек пошатнулся и задел

парня плечом. Тот произнес сквозь зубы: «Пьяный козел!» Девушка хихикнула.

Человек вывалился из подъезда и, все так же не торопясь, побрел из двора под арку, оттуда — в гомонящий, полный света город через поредевшую уже праздничную толпу, радостные возгласы и смех...

Глава 2

Гость из прошлого

Телефон звенел настырно и призывно. Величественная дама, вкушавшая завтрак в обществе другой дамы — попроще, с любопытным детским лицом, — недовольно взглянула на старинные часы в углу гостиной и перевела взгляд на товарку. Та пожала плечами. Величественная дама отложила тост с маслом и поднялась.

— Я вас слушаю! — Голос был ей под стать — холодный и начальственный. — Кто? Как вы сказали? Николас Биллер? Николас? Николенька? — Дама ахнула и закричала, что было на нее совершенно не похоже: — Леля, это Николенька Биллер!

Теперь, в свою очередь, ахнула вторая... дамой назвать ее не повернулся бы язык — та, что с лицом попроще. Но мы уже знаем, как ее зовут — Леля. Так вот, теперь ахнула Леля. Не только ахнула, но и вскочила с места, схватилась руками за голову, снова упала в кресло — словом, проявила все признаки необычайного волнения и радости и закричала:

— Аичка, не может быть! Неужели Николенька? Малыш Николенька? Господи, это сколько же времени прошло! Откуда?

Девушка сбитого летчика

— На несколько дней, ностальгия, говорит, замучала. Из Риги. Николенька, ты один или с семьей?

— Где он остановился? — прокричала Леля. — Никаких гостиниц! Только у нас!

— Николенька, прошу к нам! Никаких гостиниц! Лелечка здорова, слава богу. Леля, успокойся! Разумеется, к нам. Хорошо, мой мальчик, мы тебя ждем. Адрес помнишь? Тут понастроили всего, не узнаешь. Космонавтов десять, код двенадцать—семьдесят девять, квартира семь. Ждем.

Та, кого называли Аичкой, вернулась за стол. Она была взволнована, что случалось с ней крайне редко, так как она великолепно владела собой. Вторая, Леля, наоборот, бурно дышала, приложив руку к сердцу, хватала воздух широко раскрытым ртом, и на щеках ее рдел багровый румянец. Некоторое время они молча смотрели друг на друга...

Аида Дмитриевна и Елена Дмитриевна были сестрами-близнецами, но Аида — Аичка — всегда производила впечатление старшей. Сейчас им около... О дамском возрасте говорить не принято, но мы тихонечко, по секрету — сестрам около восьмидесяти. Аида — крупная, строгая, лидер — всю жизнь проработала директором ателье индпошива, что по старым временам являлось должностью почти номенклатурной, денежной и блатной. Да и сейчас она все еще шьет избранным клиенткам, которые никак не привыкнули к современной моде. Она — женщина с устоями: гимнастика, диета, массажный кабинет, прогулки по пять км ежедневно, и вдовствует уже лет тридцать. В отличие от Аиды Леля была рыхлой, добродушной и заполошной разгильдяйкой. Если бы не сестра, она шлялась бы денно и ночью в затрапезном халате и питалась исключительно

картофельными чипсами с перчиком, мороженым в шоколаде и пять раз на дню баловала бы себя крепким кофечком со сливками и тремя ложечками сахара вместо полезной овсянки или ржанных хлопьев с обезжиренным молоком. Замужем Леля не была, не посчастливилось найти того единственного, который... Не сложилось, короче. Была она по профессии воспитательницей детского сада, а потому склонность к сюсюканью и уменьшительным названиям и именам, готовность немедленно броситься на помощь и утешить, пожалеть и приголубить вошла ей в кровь, несмотря на воспитательные выволочки от Аички, которая требует от сестры дисциплины, подтянутости и невмешательства в дела окружающих.

Пятнадцать лет назад сестры съехались — Леля продала свою однокомнатную квартиру в пригороде и переселилась в сестрину четырехкомнатную в центре. Аичка с удовольствием командует, Леля подчиняется, пропуская половину сестриных наставлений мимо ушей. И обе довольны — любят друг дружку, часто вспоминают былое, ходят в театр и принимают гостей — таких же приличных, в возрасте, дам и кавалеров.

— Николенька! — вскричала Леля. — Просто не верится! Последний раз... когда же?

— Ровно тридцать лет назад, летом, перед отъездом в Ригу. Эвелина пришла попрощаться, ему тогда было... шесть?

— Хорошенький был, как ангелочек!

— Да, воспитанный мальчик из хорошей семьи. Эвелина умница, не колебалась ни минуты. Я ей тогда так и сказала: «Эва, не думай ни минуты. Езжай, а то уведут!» — сказала Аида.

Девушка сбитого летчика

— Ей сказочно повезло! Моряк, потомственный рижанин, все-таки их культура... никакого сравнения, — лепетала Леля, прижав к горящим щекам ладошки.

— Повезло. И ей, и Николеньке. Он сказал — Биллер, значит, оставил свою фамилию. Николенька Биллер.

— Помню, как он важно представлялся: Николенька Биллер. — Леля всхлипнула. — А сам крохотный, беленький, и галстук-бабочка! Помнишь, мы назвали его «наш маленький немчик», а Амалия им страшно гордилась!

— Бедная Амалия! — Аида покачала головой.

— Почему она не уехала с ними?

— Эва ее не очень жаловала. Ты же знаешь, у Амалии был характер и устои, а Эва была несколько легкомысленна.

— Она была такая красивая... и веселая!

— Да уж, веселая... — неодобрительно произнесла Аичка. — Помнишь, Амалия приносила показать фотографии и письма, а потом Эва перестала писать, и она страшно переживала, но виду не подавала и отодвинула от себя всех знакомых. Амалия была сильным, достойным человеком. Достойнейшим. Судьба была к ней очень несправедлива. Всю свою жизнь она любила Игоря, а он... — Аида махнула рукой.

— Да, любила, но, согласись, Аичка, Игорек был счастлив с Никочкой, и Анечка у них такая славная девочка. Николенька! Вот бы Амалия порадовалась! — Тут Леля окончательно расплакалась. — Надо же, Николенька! Не забыл!

— Счастлив с Никочкой... — проворчала Аичка как бы про себя. — Не забыл! Назвал меня тетя Ая,

а тебя тетя Леля. Голос приятный, сразу видно, что человек воспитанный, прекрасная речь, и акцент чувствуется... чуть-чуть. Я пригласила его на обед. Останется он, разумеется, у нас. Нужно проверить гостевую комнату и приготовить постель. Ох! Еще начистить столовое серебро и пересмотреть скатерти!

— Купить вина и водки!

— Коньяка! — поправила сестру Аичка.

— Ладно, коньяка. И продукты! Копченое мясо, рыбу и свежий кофе! Кофе обязательно. И хороший чай.

— Кофе? — неодобрительно удивилась Аичка.

— Аичка, я уверена, мальчик привык пить кофе... у них в Риге все пьют кофе! Как сейчас помню, — она мечтательно прищурилась, словно всматриваясь в далекое прошлое, — идешь по узкой кривой улочке в булыжниках... помнишь? Они еще называются кошачьи лбы, — и отовсюду божественный запах кофе! Помнишь? Кофе просто необходим! И слоеные рогаики с повидлом!

— Маленькую коробочку, — сдалась Аичка. — Если уж так необходимо. Но имей в виду, ты пить не будешь.

— Ну... да, ладно, — Лелечка, скосив глаза на сестру и убедившись, что та на нее не смотрит, скорчила гримаску. — И еще нужно позвонить Анечке, непременно! Пусть тоже приходит.

— Да, пожалуй. Хотя не думаю, что она его помнит. Ей было всего три-четыре...

— Ну как же, Аичка, — заволновалась Лелечка, — она должна его помнить! Дети помнят начиная с года. Конечно, помнит!

Взволнованная Лелечка и величественная Аич-

Девушка сбитого летчика

ка, наперебой предаваясь воспоминаниям, составляли список продуктов, доставали свежее постельное белье, выбирали самую красивую скатерть и выставляли из серванта парадный сервиз на сорок восемь персон.

Глава 3

Белая крыса

Взрагивает огонек лампадки,
В полутёмной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живёт он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

Николай Гумилев. Крыса

...Белая крыса с красными глазами. Белая крыса с раскосыми красными глазами и длинной осмысленной мордой. Женщина. Интеллектуалка. Сидит на полу, руки сложены на груди. Голый хвост вьется змейкой. Противный, розовый. Смотрит. Выражение на морде внимательно-снисходительное — похоже, жалеет. Даже она. Напоминает отцову подругу детства Амалию. Незамужнюю. А может, это и есть она — Амалия?! В виде крысы. В новом формате. Ее аватара.

...Амалия любила сидеть молча, глядя в книгу, в телевизор, в окно, — особенно когда падал снег. Острое лицо на фоне летящего снега, черно-белых деревьев, узкие острые глаза — типаж Модильяни,

что я осознала уже потом, хотя снега он не рисовал. Кажется. И на меня: молча, долго, с отвращением. А я стою красная, потная, с разбитой зеленой коленкой и грязными руками. Нечесаная, пятилетняя, ленивая, в осознании собственных ничтожности и подлости — таскала из духовки жареные орехи, приготовленные для пирога. Пирог — это святое. Рождественский. И вообще!

Она сидела, я стояла. Еретик перед великим инквизитором. Мой грех, меа culpa¹. До такой степени, что никакой надежды на снисхождение и помилование. Парализованная. В ступоре. Отказавшаяся от последнего слова перед аутодафе², что вызывает еще большее презрение.

Она молчала. Она умела красноречиво молчать. О, как она молчала! Мороз по коже.

И пирог с нарушением технологии в связи с сожранными орехами на совести. Все время что-нибудь на совести. Перманентная тяжесть на маленькой бессовестной совести. Руки-крюки, не способные к рукоделию, отсутствие музыкального слуха, дурная память на английские слова и выражения, а математика — вообще ужас. Дважды два — три. Или шесть. И скверная привычка малевать на любом клочке, даже на туалетной бумаге во время отсидок *там*. Тоже вредная привычка. Любимое место, где тебя оставляют в покое. Хотя бы ненадолго. Всякие рожи, принцессы и монстры.

Опять-таки рождественские орехи на совести...

Уходи. Пожалуйста, уходи, Белая крыса! И вооб-

¹ Mea culpa (лат.) — моя вина.

² Аутодафе — сожжение еретиков инквизицией, в основном в XIV—XVI вв.

Девушка сбитого летчика

ще, тебя на самом деле нет. Не существует. Только в моем имбецильном воображении. В воображении иллюстратора детских книжек — ежики, собачки, нестрашные монстрики. Зверушки для самых маленьких, еще до черепашек-ниндзя и мордобоя.

Вымирающая разновидность мазил... Звали писать лики, хорошо платят. По знакомству — конкуренция, однако. Наверное, пойду, хотя стыдно. Старые мастера верили, им не было стыдно. Но деньги, говорят, не пахнут... Хотя все-таки стыдно.

Рев отбойного молотка. За стеной ремонт. Ребенок сверху играет на флейте. Пятница. За окном мутный рассвет. Декабрь. Самое начало. Дождь, дождь, дождь. До конца далеко. А где... *она*? Ее нет, на полу пусто. Никто не сидит, сложив лапы на груди, скрутив хвост колечком. Никто не смотрит с сожалением. Одна.

Снова и снова повторяющаяся мелодия, ступеньки гаммы, туда-сюда. Маленький мученик. Я знаю его, он похож на ангела — нежного хрупкого синеглазого ангела. Интересно, как он относится к своей флейте?

...Свое фортепиано я ненавидела.

И что самое интересное — я была нужна ей! Маленькая ничтожная хлипкая лодочка в житейском море — этому крейсеру. Для самоутверждения, смысла, заполнения пустот. Я — ей. Родители заняты карьерой. Нас двое. Ровный голос, твердые холодные пальцы, долгие паузы. Холодные свистящие перья за спиной — торчком из острых лопаток.

У нас был пес, курцхаар по имени Ральф. Умница, добряк, не переносивший лишь одного человека — почтальона. Если сказать ему просто так, не поймав ни на чем предосудительном: «Ай-ай-ай,